

РЕФЛЕКТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ПОЗНАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В центре современной антропоцентрической лингвистики ставится понятие «языковая личность». Впервые оно было введено в 1930 г. В.В. Виноградовым в монографии «О языке художественной прозы» (гл. «Опыт риторического анализа») [3]. Исследуя язык художественной литературы, ученый обратил внимание на соотношение языковой личности, художественного образа и образа автора в художественном произведении и дал описание конкретных языковых личностей. Исследователь пришел к выводу, что всякая языковая личность имеет трехуровневую структуру:

- вербально-семантический уровень (рассматриваются слова и их значения);
- когнитивный уровень (рассматриваются концепты);
- мотивационный уровень (данный уровень отвечает на вопросы: с какой целью писатель использует в своем тексте именно эти слова и когнитии и какую мысль автор хочет выразить и передать в тексте?).

Представленная В.В. Виноградовым структура языковой личности, основанная на заимствованных из психологии идеях ассоциативно-вербальной организации личности и выраженная лингвистическими средствами, открыла новые возможности для конструктивного наполнения важных для лингвистики понятий. Позднее Ю.Н. Караулов развил и существенно дополнил понятие «языковая личность»: «Все, что было сказано о языковой личности до сих пор, дает основания трактовать ее не только как часть объемного и многогранного понимания личности в психологии, не как еще один из ракурсов ее изучения, наряду, например, с “юридической”, “экономической”, “этической” и т.п. “личностью”, а как вид полноценного представления личности, вмещающий в себя и психический, и социальный, и этический и другие компоненты, но преломленные через ее язык, ее дискурс. Таким образом, уже в самом выборе языковой личности в качестве объекта лингво-психологического изучения заложена потребность комплексного подхода к ее анализу, возможность и необходимость выявления на базе дискурса не только ее психологических черт, но и философско-мировоззренческих предпосылок, этнонациональных особенностей, социальных характеристик, историко-культурных истоков» [4]. Есть еще одно определение данного понятия, в котором исследователь соединяет способности человека с особенностями порождаемых им текстов. Речевые произведения (тексты), создаваемые и воспринимаемые человеком, отражают способности и характеристики языковой личности. Такие тексты можно рассматривать с трех позиций:

- степень структурно-языковой сложности;
- глубина и точность отражения действительности;
- определенная целевая направленность.

Сказанное подтверждает мысль о том, что любая личность проявляет себя и свою субъективность не только через предметную деятельность, но и через общение. Речь человека, с одной стороны, отражает его внутренний мир, а с другой — является источником знания о его личности. Все вышеизложенное имеет важное значение при изучении как вербальных, так и невербальных текстов.

Всякое развитие личности связано с развитием ее способностей к пониманию. В данном контексте понимание предполагает усвоение нового содержания и включение его в систему устоявшихся идей и представлений человека. Понимание как предмет психолингвистики, изучающей язык, мышление и сознание, — это последовательное изменение структуры воссоздаваемой в сознании ситуации и процесс перемещения центра ситуации от одного элемента к другому [2]. Последнее важно учитывать при анализе текстов художественной литературы.

Деятельностью, которая направлена на улучшение понимания, считается герменевтика. Герменевтика как искусство толкования и понимания прошла долгий путь от учения об интерпретации религиозных текстов и смыслов до методологической дисциплины общенаучного характера, а потом к философскому направлению. В рамках лингводидактической концепции, а затем и филологической герменевтики проблемами языковой личности занимался исследователь-филолог Тверского университета Г.И. Богин. В 2001 г. вышла в печать его монография «Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику» [1]. На первой странице автор позиционирует герменевтику как деятельность человека: «Герменевтика — это деятельность человека или коллектива при понимании или интерпретации текста или того, что может трактоваться как текст» [1]. Текстом может быть любой след человеческой деятельности: дома, одежда, произведение живописи и т.д. С точки зрения автора, существующие в герменевтике методики чтения и интерпретации вербальных текстов позволяют прочесть и невербальные тексты. Филологическая герменевтика имеет практические цели:

- понять и понимать;
- делать человека понимающим и быть понятым;
- помогать другим делаться понимающими (т.е. умнеть);
- улучшать взаимоотношения между людьми;
- интерпретировать основания своего и чужого понимания и т.д. В общем, обогащать духовную жизнь индивида, делать ее лучше.

Как считает ученый, предметом филологической герменевтики является понимание — усматривание и освоение идеального, представленного в вербальных и невербальных текстах. Рефлексия, интерпретация и понимание — основные понятия в лингвистике, ориентированные на работу со смыслами текста. Понимание исследователь рассматривает как одну из основных категорий рефлексии. В трактовке Г.И. Богина, рефлексия — это связка между осваиваемыми гносеологическими образами и личным опытом языковой личности. Рефлексия — неотъемлемая часть познания, которая

помогает совершенствовать духовную культуру человека. Понимание и интерпретация невозможны без рефлексии. Все методические приемы и техники невозможны без рефлексии. По мнению ученого, нельзя построить демократическое общество, если люди не обучены рефлексии. Поэтому научение техникам понимания текстов культуры — актуальная задача гуманитарной практики. Такая постановка вопроса придает особую социальную значимость рефлексии и интерпретации (а интерпретация — это высказанная рефлексия), а также филологической герменевтике в целом.

Анализ художественного творчества в конце XX века пополнился идеями системомыследеятельностной теории Г.П. Щедровицкого (СМД) [5]. Созданная лингвистом схема позволила исследователям осуществить системно-мыследеятельностный подход к проблемам рефлексии над текстом. Все мыследеятельностные процессы человека, в соответствии с этой схемой, рефлектируются по трем поясам:

- в поясе мыследействования (МД) (действительность предметных представлений, образность, пробуждение рефлексии надзримым, т. е. подробностями, которые представлены в тексте средствами прямой номинации);

- в поясе мысли-коммуникации (М-К) (репрезентация опыта продукции и рецепции речевых произведений, включая опыт чтения, который является предметом языкознания и, шире, всей филологии);

- в поясе действительности чистого мышления (М) (представление опыта действия с картами, чертежами, бинарными и небинарными противопоставлениями и др. невербальными схемами; реактивация опыта прямых усмотрений смыслов и метасмыслов, опредмеченных в текстах). Необходимое пояснение: термин «опредмечивание» обозначает процесс, в котором человеческие способности переходят в предмет и воплощаются в нем, благодаря чему предмет становится социально-культурным, или «человеческим предметом». Всякий результат опредмечивания обладает культурно-исторической адресованностью, направленной на других людей, социальные группы.

Как же происходит рефлексивная деятельность?

Все филологические науки изучают коммуникативную деятельность — необходимое звено во всей жизни человека. Эта деятельность также дается человеку через рефлексия. Как говорилось выше, рефлексия связывает новый образ с имеющимся опытом человека. Она одновременно обращена «вовнутрь» — на нашу субъективность, и «вовне» — на то, что мы осваиваем. Сходства и различия во внешнем и внутреннем мире способны переживаться; отсюда такое определение рефлексии — «перевыражение одного в другом». Г.И. Богин видел работу рефлексии следующим образом. Рефлексия, являясь универсальным признаком человеческого мыследействования, может превращаться в другие организации, духовные конструируемые бытия: понимание, проблематизацию, знания, оценку, в различные чувства языковой личности. Когда человек ставит перед собой вопросы «Я понял, но что же я понял? Я понял так, но почему я понял

именно так?», то происходит выход к пониманию через рефлекссию, в том числе и через интерпретацию как высказанную рефлекссию. Это означает, что человек в своей деятельности начинает видеть себя со стороны, причем видеть «себя понимающего». Следует заметить, что исследователь разделяет научно-теоретическую рефлекссию (дискурсивно построенную) и обыденную (деятельность, не осознаваемую субъектом). Но поскольку методологические основания двух разновидностей одинаковы, мы не будем разделять их в данной статье.

Такая мыслительная деятельность — движение между пониманием и интерпретацией — обогащает не только духовный мир личности, но и понимание художественного текста. Текст — это единство содержаний и смыслов. Содержание представляет собой предикации в рамках пропозициональных структур, а смыслы — конфигурации связей и отношений в ситуации деятельности и коммуникации. Эти связи и отношения создаются человеком в процессе понимания текста. Смыслы, наравне с пониманием, выступают здесь как ипостаси рефлексии и, если они не обозначены средствами прямой номинации в тексте, усматриваются только через рефлексивные акты. Опыт такого рефлексивного действия принципиально важен при осмысленном чтении и понимании текста. Нарращивание дополнительных смыслов, не представленных средствами прямой номинации или неявно присутствующих в тексте, по мнению Г.И. Богина, задача филологической герменевтики.

Описанная выше процедура рефлексии как «перевыражение одного в другом» порождает различные приемы понимания художественного текста, т. н. «техники понимания». Все техники понимания рефлексивны по определению. Степень владения этими техниками — показатель мыследеятельности языковой личности. Становится понятным утверждение ученого: если человек хорошо учится (и учит) рефлексии, то можно добиться резкого повышения успехов в понимании и тем самым содействовать развитию языковой личности.

В своей работе «Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику» Г.И. Богин конспективно описал 6 групп техник понимания текстов (общее количество — 105). Это такие группы:

- техники усмотрения и построения смыслов;
- использование «рефлексивного мостика»;
- техники «расклеивания смешиваемых конструкторов»;
- техники интерпретационного типа;
- техники перехода и замены;
- выход.

К сожалению, большая часть предложенных техник в исследуемой по этому вопросу литературе описывается и используется мало и требует серьезной работы ученых разных областей знаний. Подобные разработки помогают «нащупывать» иные способы освоения мира и использовать духовный потенциал человечества в современной жизни. Техники понимания

текстов культуры осваивают мир не только через накопление знаний, но и посредством обращения рефлексии на мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богин, Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. — Тверь, 2001.
2. Брудный, А.А. Понимание как философская и филологическая проблема // Вопросы философии. — 1975. — № 10.
3. Виноградов, В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. — М., 1980.
4. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987.
5. Щедровицкий, Г.П. Избранное. — М., 1995.